

ДИСКУССИИ

УДК 37. 013
ББК 431. 0

НУЖНА ЛИ «ЗЛОБНАЯ ПЕДАГОГИКА»?

С. З. Гончаров

В прошлом номере журнала В. А. Бенин пригласил обсудить «педагогическое зло» на том основании, что в реальном педагогическом процессе оно существует, а в теоретических работах содержательного анализа этого явления нет. «Такая вот «беззлая» педагогика», – иронично замечает автор [1, с. 170]. Несколько противореча самому себе, он отмечает, что «сущностный анализ» зла на «индивидуальном уровне произведен». «Иное дело – педагогическое зло на социальном уровне» [1, с. 171–172].

А есть ли проблема?

Проблема в переводе с греческого означает «преграда», «трудность», т. е. вопрос, требующий разрешения; ситуация, в рамках которой прежние средства недостаточны для достижения цели.

Постановка проблемы о педагогическом зле обязывает выяснить, какие *реальные затруднения* возникли и какие *средства* целесообразны для преодоления возникших трудностей. Одним из средств решения проблемы является *определение нового понятия* (хотя бы приблизительное) и изложение его эвристических и операционально-прикладных возможностей. К сожалению, инициатор дискуссии ничего существенного по этим необходимым параметрам не предложил.

В. А. Бенин полагает, что проблема есть: коль есть зло в педагогической действительности, то понятие зла должно быть и в теории педагогики. Но что такое «педагогическое зло», он не определяет. И возникает вопрос, а что обсуждать? В. А. Бенин критикует свыше десятка авторов за то, что они, к его удивлению, упоминают о зле не в том объеме, в каком он хотел. Но, возможно, критикуемые авторы вполне удовлетворены уровнем разработки понятий добра и зла и не испытывают особых затруднений. Так может быть сама «проблема» о педагогическом зле является надуманной? Является ли достаточным основа-

нием для постановки этой проблемы наличие зла в педагогической практике? Попробуем разобраться.

В этике различают зло *моральное* и *социальное*. Источником морального зла является *воля конкретного субъекта* (лица, группы лиц и т. п.), которому *конкретное злодеяние* можно вменить в *вину*. Например, Петр предал товарищей. Социальное зло характеризует явления, противоречащие интересам и жизненным потребностям людей, а также их нравственному сознанию. Например, наркомания, проституция, алкоголизм, жестокость есть зло социальное; эти явления не *персонифицированы* и вменять им вину невозможно. Действия же наркоторговца, содержателя притона и т. д. есть зло моральное. Злые умыслы конкретных людей объективируются в злодеяниях, совокупность которых составляет социальное зло как отрицательное условие общественной жизни. В. Л. Бенин под педагогическим злом на социальном уровне имеет в виду именно социальное зло. Более того, примеры, которые он приводит как разновидности педагогического зла, целиком укладываются или в зло моральное (взятка преподавателя) или в зло социальное (проституция, наркомания и т. п.). Тогда возникает вопрос, зачем вообще нужно понятие «педагогического зла»? Только лишь как термин публицистики. Приватизация общенародной собственности резко ухудшила жизненный уровень большинства граждан России и обернулось социальным злом. Но целесообразно ли вводить понятие «экономического зла»? Злодеяния существуют не только в педагогической и хозяйственной деятельности, но и в сферах правовой, политической, конфессиональной, спортивной, художественной и т. д. Диалектику добра и зла теоретически раскрывают этика общая и профессиональная. Как на практике решается вопрос о соотношении зла в многообразной действительности и в соответствующих видах теории? В РГППУ читается курс профессиональной этики, в котором раскрывается нравственный аспект профессиональной деятельности различных специалистов – педагогов, экономистов, психологов, инженеров, дизайнеров и др. Вопрос, как видим, разрешается сам собой. Здесь уместна такая аналогия. Во всех видах деятельности возникают проблемные ситуации (затруднения), связанные с освоением пространственно-временного аспекта реальности (как правильно сделать выкройку, разделить поле для пашни, оптимально раскрыть лист стали, сосчитать что-либо и т. п. Подобные затруднения разрешаются благодаря математике, которая тео-

ретически разрабатывает систему операций по освоению пространственно-временного аспекта действительности. Точно так же этика общая и профессиональная решают в общей форме конкретные морально-нравственные задачи практической жизни. Общая этика так относится к профессиональной этике, как теоретическая математика относится к прикладной. Потребность еще в каких-то особых этиках и математиках отпадает.

В. А. Бенин приводит примеры, как дельцы от образования используют негосударственные образовательные учреждения в целях прибыли, личного обогащения и т. д. Но от того, что эти злодеяния будут квалифицироваться по-новому, как «педагогическое зло» суть дела, как костистый осел, не сдвинется с места. Следует принимать меры на уровне государственной власти, предлагать те или иные конкретные решения этой власти или практически действовать самим работникам образования и учащейся молодежи. Если речь вести по существу, то В. А. Бенин под «педагогическим злом» подразумевает *давно известные явления* (зло моральное и социальное, явления правового характера и государственную политику в области образования), которые он *переодевает в облачения «педагогического зла» и ставит надуманные «проблемы», не представляющие научного интереса*. Как говорится, много шума из ничего.

От «педагогического зла» к злодеям педагогики?

Но «откровенный разговор о педагогическом зле, – отмечает В. А. Бенин, – может способствовать его уменьшению» [1, с. 171]. Это в зависимости от того, с какой *целью* такой разговор заводится. Он может способствовать и «охоте за ведьмами», за «злодеями» в сфере педагогики. Газета «Спид-Инфо» ведет «откровенный» разговор об опасности известного заболевания и растлевает юных читателей. Договорится группа просвещенных педагогов о том, что считать педагогическим злом, проведет Всероссийские конференции и серию семинаров для педагогов на местах, затем последует шумная кампания по ТВ и начнется *демонизация* – сначала тех действий, которые, согласно конвенции, принято считать «педагогическим злом», а затем очередь дойдет и до «злодеев». В. А. Бенин уже нашел «злодеев», правда, «невольных», не ведающих, что они творят зло.

«Показательным примером подобного рода зла, – утверждает он, является фрагмент сценария, который журнал «Воспитание школьников» предлагал

для уроков по этике во втором классе». Относительно «злодея», автора статьи в упомянутом журнале, В. А. Бенин замечает: «Искренне полагая, что творит добро, он невольно продолжает тиражировать столь памятное по недобрым годам зло тотальной слежки и доноительства...» [1, с. 176]. В. А. Бенин ищет тень там, где ее нет. Неприятно это читать, слишком все это надуманно. Что там автор журнала «Воспитание школьников». «Социальное педагогическое зло... в косвенном виде» творили, по квалификации В. А. Бенина, такие гиганты мысли, как Парменид и Платон. «Злодеем» (косвенным, по терминологии В. А. Бенина) оказался даже Августин Блаженный, основные тексты которого В. А. Бенин, судя по его комментарию, или не читал, или не понял. Советская педагогика тоже привела «к такому проявлению зла, как одинаковая для всех типовая стандартная школа со стандартной программой обучения и крайне ограниченными возможностями индивидуального развития учащихся» [1, с. 174]. Почему же в начале 50-х гг. XX века советские школьники по тестам ЮНЕСКО заняли, если нам память не изменяет, второе место? В общем, логика ясна: если есть педагогическое зло, то должны быть и злодеи, их надо просто найти.

Кого можно считать злодеем в педагогике?

С особым рвением В. А. Бенин критикует свыше десятка известных теоретиков за то, что они не обличают «педагогическое зло», которое он легко обнаруживает во всей писанной человеческой истории. Создается впечатление, что у нашего проницательного исследователя зла есть особый индикатор, безошибочно определяющий любое зло: «намеренное» и «невольное», «прямое» и «косвенное», «на индивидуальном уровне» и «на социальном уровне». Что это за индикатор?

В. А. Бенин – человек остроумный. Что такое педагогическое зло, он таинственно замалчивает, ограничиваясь примерами. Дескать, думайте сами. Мы попытались проникнуть в творческую лабораторию нашего автора и реконструировали его индикатор. Он оказался «резиновым». В. А. Бенин придумал такие разновидности зла, под которые можно подвести все, что угодно. Зло, по В. А. Бенину, бывает «намеренным» и «невольным» (ненамеренным) [1, с. 179]. До В. А. Бенина люди знали только зло преднамеренное. Ведь зло есть злой умысел в душе, который реализуется как злодеяние. Нет злого умысла, нет и

злодеяния. По В. А. Бенину, дело надо срочно менять. «Невольное» зло – первое «резиновое» определение, под которое подпал автор статьи в журнале «Воспитание школьников». Вторая разновидность зла – зло на индивидуальном уровне (вероятно, на межличностном) и зло на «социальном уровне». Что такое зло на социальном уровне, автор умалчивает. Это – второе «резиновое» определение. Но самыми «эластичными» являются определения зла на социальном уровне: зло «прямое» (под него подпали все органы государственной власти – см.: 1, с. 175–176) и зло «косвенное» (!). Особенно «косвенное». Вот его критерий: «В качестве благой цели выдвигается некая надличностная идея, осуществление которой должно создать идеальные условия для развития «всех и каждого». Однако практика ее реализации приносит не ожидаемое добро, а зло» [1, с. 172]. Оно дает полную свободу действий. Подводи под него, кого душа пожелает. Под него подпали Парменид и Платон, Августин Блаженный и Томас Мор, К. Маркс со своим другом и вся советская педагогика. Но это только начало. Все впереди, как писал Василий Белов.

Если рассуждать серьезно, то в дискуссиях о проблеме зла вообще, в педагогике в особенности, следует быть предельно корректным. В. А. Бенин ставит вопрос о «педагогическом зле», не потрудившись дать хотя бы его исходного определения. На каком же основании он относит те или иные явления к такому злу? На основании своего произвола или интуиции. Без достаточных оснований возникают лишь произвольные мнения – что лично мне кажется, мнится.

Об односторонних крайностях

Попытка исследовать «педагогическое зло» в отрыве от педагогического добра является так же весьма спорной, как и *главный либеральный* тезис автора о несостоятельности педагогической позиции, предполагающей «абсолютные ценности», которые по рангу выше отдельного человека. Спорность заключается в *односторонности*. В. А. Бенин особенно критикует попытку «умозрительного конструирования идеальной системы воспитания, когда развитие личности подчинено некоей высшей ценности, как бы она ни называлась – государством, божеством или коммунизмом». Пройдет не одна тысяча лет, продолжает он, прежде чем широкое распространение получит позиция, провозглашающая «высшей ценностью свободную и развивающуюся личность» [1, с. 172–

173]. «Умозрительное конструирование» без фактического основания, конечно, заслуживает критики. Но вот «широкое распространение» какой-либо «позиции» еще не является критерием ее истинности и жизнеспособности. Ныне в России пьянство и преступность получили «широкое распространение», которое следует весьма сузить. Почему автор полагает «свободную и развивающуюся личность» «высшей ценностью» и считает, что эта ценность застрахована от «умозрительного конструирования идеальной системы воспитания»? Одной односторонней крайности (подчинение личности абсолютным ценностям), В. А. Бенин противопоставляет другую крайность – свободную личность без служения абсолютным ценностям. Он абсолютизирует свободу личности. Это, конечно, его личное дело. Но полагать либеральный персонцентризм в качестве высшей ценности для педагога без каких-либо пояснений, значит воскрешать старый либеральный догмат, который за последние сто лет обнажил свою практическую деструктивность не только в педагогике, но и в экономике и политике.

Нынешнее движение от общенародной собственности на основные средства производства и совместной жизни к тотальной приватизации есть, конечно, регресс, движение вспять, в никуда; это – болезненный исторический зигзаг, который нужно преодолеть. В. А. Бенин усмотрел в образовании советского периода такое зло, как типовая стандартная школа со стандартной программой обучения и крайне ограниченными возможностями индивидуального развития учащихся [1, с. 174]. Единые государственные стандарты есть и в современной школе. Что касается крайне ограниченных возможностей индивидуального развития, то советская школа не уступала современной. Автор данного выступления учился в школе № 200 небольшого города Белогорска Амурской области. В этой школе содержательно работали такие секции, как спортивная (легкая атлетика и парашютный спорт) изобразительного искусства, литературная, туризма. Выпускники школы получали основательную подготовку, особенно по русскому языку, литературе и математике, В. А. Бенин сам признает плачевное состояние учащихся и учителей в нынешних школах, когда цитирует Н. Д. Никандрова, В. Д. Семенова и др. Марксизм, продолжает В. А. Бенин, подчинил человека высшей ценности – интересам класса и создал парадигму классового подхода к воспитанию [1, с. 173]. Это утверждение не

соответствует истине. Маркс выступал за преодоление именно классового антагонизма, за возвращение людей из плена классового отчуждения и угнетения в общество без классов, в котором люди будут общаться как люди, а не как персонификаторы социально-классовых категорий и групп. Коммунизм он понимал не как конечную цель истории, а как принцип ближайшего будущего, как способ преодоления классового антагонизма. Маркс тоже писал о свободном развитии личности, но в принципиально ином смысле – свободное развитие каждого является условием свободного развития всех. В критике В. А. Бениным марксизма и системы образования советского периода явно обнажается его персонистская, либеральная позиция. Ошибки в применении таблицы умножения не являются показателем ее деструктивности. Точно так же обстоит дело и с классовым подходом, который не является исчерпывающим, так же как и качественный, количественный, структурный, системный и другие научные методы. Человек целостен и многообразен в своих проявлениях, и его полноту нельзя целиком передать каким то одним методом. Каждый метод имеет пределы своей применимости.

В заключение отметим следующее. Разговор о зле в педагогике вести, конечно можно, но не ради разговора, а ради утверждения добра. Такой разговор обязывает к конкретному содержанию – что надо сделать чтобы быть сильным в добре, а не во зле. Либеральный тезис о свободной и развивающейся личности как о высшей ценности нам представляется абстрактным. Он противоречит менталитету и ценностям, традициям и историческому опыту народа России.

Редакция журнала, как и уважаемый В. А. Бенин, заслуживает поддержки в инициировании дискуссии, которую, на наш взгляд, следует продолжить и в таком аспекте – каковы духовно-ценностные основы российского образования и на каких ценностях следует воспитывать учащуюся молодежь? Такая дискуссия может иметь непосредственную практическую значимость. С позиций тех или иных ценностей можно обоснованно судить о том, где зло действительное, а где мнимое.

Литература

1. *Бенин В. И.* Педагогическое зло: приглашение к разговору // Образование и наука. Известия Уральского отделения Российской Академии Образования. 2002. № 3 (15).
2. *Ильин И. А.* О сопротивлении злу силою // Соч.: в 2 т. – М., 1993, т. 1.
3. *Пушкин А. С.* О народном образовании // Опыт православной педагогики – М., 1993.